
От редакции

Жанр интервью в академическом журнале встречается крайне редко, поскольку научное издание не предполагает разговорного формата. Мы решили нарушить правила и ввести новую рубрику. В ней мы будем публиковать беседы с теми знаковыми экспертами, которые определяют современную образовательную политику. Поэтому закономерен «дебют» на наших страницах Андрея Евгеньевича Волкова, ректора Московской школы управления «Сколково». А. Е. Волков возглавляет один из самых амбициозных проектов российской высшей власти и бизнес-элиты. Его комментарии, описание подходов к разработке новых образовательных моделей — сложный стратегический опыт, который, мы надеемся, будет полезен читателям журнала «Вопросы образования».

НЕРЕШАЕМЫЕ ЗАДАЧИ КАК ОСНОВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2012 г.

1. Какое место исследовательская стратегия может занимать в транзитивном университете нового типа?

Исследовательская стратегия отвечает на вопрос, в какой области знаний университет претендует на международное лидерство, за счет чего формирует свою репутацию в академической среде.

Если понимать исследования как процесс производства новых знаний, прежде всего научных знаний, то для университетов это относительно новая история, ей около 250 лет. Считается, что модель исследовательского университета оформилась в начале XIX в. и связана с именем Вильгельма фон Гумбольдта, который в центр университетской жизни поставил исследования, и большую часть времени студенты вместе с профессорами занимались разработкой новых научных теорий и знаний. В этом и состояла суть обучения, в результате которого появлялся профессиональный исследователь, ученый. Сегодня исследовательская модель университета является общепризнанной во всем мире, на ее основе рассчитываются ведущие международные рейтинги университетов.

Что касается университета нового типа, который ставит задачу подготовки людей и команд, способных проектировать новые виды деятельности и обеспечивать трансформацию уже существующих

корпораций, отраслей и территорий в соответствии с вызовами времени, то исследования в нем остаются, однако их место и роль меняются. С одной стороны, решение реальных проблем требует создания нового знания, применимого и работающего в конкретной ситуации, поэтому в «трансформационных» университетах можно говорить о проблемно ориентированном исследовании, результаты которого служат прежде всего не развитию определенной теории или дисциплины, а разрешению проблемы. Таким образом, исследования выполняют обслуживающую функцию. С другой стороны, необходимо исследование процессов, задающих новые условия существования для людей, корпораций, государств. Часто такие процессы описываются в терминах трендов, вызовов, проблем, которые делают изменения необратимыми, как, например, развитие Интернета, демография или экология. Изучение глобальных трендов и вызовов, разработка форсайтов, сценариев и прогнозов должны стать важной частью исследовательской стратегии университета нового типа.

2. До какой степени транзитивное образование 4.0 отказывается от предыдущих форматов — 1.0, 2.0, 3.0?

История университетов насчитывает более тысячи лет. Первые университеты Европы, созданные в X–XII вв. в Париже, Болонье и других городах, были теологическими. В XIX в. появились университеты исследовательского типа, а в XX в. на фоне бурного роста промышленности — индустриальные, политехнические. Появление новых университетов не являлось отказом от более ранних моделей, никаких «революций» не происходило. И сегодня в мире существуют как классические, так и исследовательские и индустриальные вузы, каждый из которых имеет свое предназначение и роль в экономических, социальных и культурных процессах. Появление университета нового типа всегда является ответом на новые группы глобальных вызовов. Так, исследовательские университеты являлись ответом на необходимость воспроизводства научных исследований и класса ученых. Индустриальные университеты способствовали появлению нового класса специалистов — инженеров, квалифицированных специалистов — для нужд растущей промышленности. «Трансформационные» университеты, претендующие на создание новых видов деятельности и развитие существующих корпораций и организаций, — это ответ на возрастающую скорость изменений во всем мире, на необходимость решать сложные управленческие и социально-экономические проблемы. Поэтому появление новых типов университетов не отменяет все предыдущие, а дополняет и включает их.

3. Консервативность и устойчивость университетского образования — как это традиционное качество сочетается с новым типом университета? Какое значение имеет традиция для нового, неклассического университетского формата?

В первую очередь я бы отметил, что в нынешнем виде образование не выживет нигде. Такой прогноз определяют несколько факторов. Первый — дигитализация: доступность информации достигла такого уровня, что старый формат трансляции знаний перестает работать. Качественное онлайн-образование растет очень быстро. Поэтому сейчас уже не имеет смысла надеяться, что прежний формат обучения — когда профессор выходит и рассказывает, а студенты записывают — будет приемлем и достаточен. Второй фактор: за последние 15–20 лет мир высшего образования радикально изменился. Почему? Страны открылись и стали конкурировать за два типа ресурсов: за лучших студентов и лучших преподавателей. Этого не было 20 лет назад, когда все жили в рамках национальных систем. А сейчас мир стал единой глобальной системой и Китай напрямую конкурирует с США, а Тайвань — с Индией, причем за один и тот же пул самых талантливых студентов и профессоров. Россия тоже входит в эту мировую конкуренцию. Это совершенно новая постановка задачи для каждого менеджера образования, ректора. Мы пока не умеем так работать. Третий, более сложный фактор: интуитивно все понимают, что учить тому, чему учили 30, 40, 50 лет назад, можно, но неэффективно. Людям нужны другие компетенции, например уметь «строить» новое знание, а не только получать его. Управленческие, лидерские качества стали важны не только для двух десятков директоров больших предприятий. Масса людей занимается проектами, а это значит, им нужно вступать в коммуникацию, договариваться, работать с людьми других конфессий, другой культуры. Этого не было 50 лет назад. Вот почему мы стоим на пороге такого слома тренда. Сколько лет пройдет, не знаю, но то, что образование не сохранится в нынешнем виде, понимают все.

4. Как конкретно должна измениться система приема и оценивания студентов? Каковы возможные критерии? Где и какой видится группа разработчиков?

Ценность человеческого потенциала в современном мире неуклонно растет, многие уже почувствовали ее на своем бизнесе. И если в российской системе образования традиционно делался упор на знания, то в школах Оксфорда и Кембриджа — на формирование лидерских качеств. Мы в России приходим к этому позже. При всех наших амбициях мы остаемся индустриальной страной.

Мы — большая индустриальная страна, и это предмет нашей гордости. А в большой индустрии не требуется, чтобы каждый имел свою точку зрения, достаточно, чтобы он пришел и правильно выполнил свою функцию. Но мир не сохранится таким надолго. Доказано многими исследованиями, например есть исследование ОЭСР, что последние 50 лет количество ручного труда, даже самого квалифицированного, неуклонно падает, а востребованность коммуникативно-интеллектуальных компетенций растет. И следовательно, людей, которые могут придумать, создать, взять на себя

ответственность, объективно нужно больше. И это важно для любой страны, которая хочет участвовать в мировом разделении труда. Отсюда спрос на лидерство, коммуникативность, кросскультурность и т.д.

Должен быть рост практикоориентированного образования под контролем работодателей, выстроенный под их запросы. Необходимо ориентироваться не на стандарты образования, разработанные министерством, а на профессиональные стандарты.

Раз спрос бизнеса на креативные навыки растет, университеты должны стремиться эту потребность удовлетворить. Соответственно должны меняться и критерии отбора. Возможно, конкурсный отбор на основе академических успехов перестал быть по-настоящему эффективным показателем подготовки.

5. В вашей концепции студенты рассматриваются не как «обучаемые», а как активные участники процесса обучения. Не является ли эта идея возвращением к практике, которая успешно использовалась, к примеру, в Физтехе?

В XXI в. высшее образование призвано не просто передавать знания, а учить их преобразовывать, подвергать сомнению и критическому анализу, вырабатывать способность мыслить. Образование по-настоящему ценно тогда, когда студент, покинув стены альма-матер, имеет в своем багаже арсенал инструментов и практических навыков, которые он может применить на деле, миная стадию «забудьте все, чему вас учили в университете».

Именно поэтому образование нуждается в инновационных методах и формах обучения, в которых студенты выступают не пассивными слушателями, а активными участниками процесса. Проекты, тренажеры, живые кейсы, симуляции, имитации — все это развивает те самые креативные навыки, которые высоко ценят работодатели. 80 % времени обучения должно быть отдано различным видам практической работы, во время которой студенты могут увидеть теорию, на которую остается 20 %, в действии.

Можно сказать, что Физтех 1970-х годов — это образец, пока не серийный, но указывающий на появление новой модели университета. Перед Физтехом изначально стояла реальная задача — развитие атомной, космической, оружейной и других наукоемких отраслей. И это отчасти роднит его с университетами, которые я обсуждаю. Вопрос в том, как сделать эту модель воспроизводимой и финансово устойчивой в современных условиях.

6. Насколько такие модели, рассматриваемые преимущественно по отношению к управленческим областям, к отраслям, связанным с обороной и безопасностью, применимы в гуманитарной сфере?

В современной экономике драйвер инноваций — уже не предприятия военно-промышленного комплекса, а живые люди. Практика показывает, что не отрасль формирует хорошего

управленца, а хороший управленец способен сформировать отрасль. Именно поэтому спрос на специалистов принципиально новой формации актуален для любой индустрии. Собственно, образовательная отрасль — отличный пример.

Последние 150 лет государство говорило: мы знаем, как строить школьное образование, университетское образование, мы его содержим, а вы должны ходить учиться. Сейчас даже самые богатые государства говорят: мы не можем содержать университеты, мы хотим, чтобы бизнес подключился, чтобы он платил за образование. Меняется состав «акционеров» и состав «директоров» в этой деятельности. Уже сегодня в США и Великобритании образование — высокоэффективная отрасль, которая приносит доход, и одновременно «мягкая сила», которая изменяет мир. С одной стороны, это некоммерческая деятельность, с другой — в ней возвращаются огромные деньги.

Для обеспечения грамотного развития отрасли и ее эффективного взаимодействия со всеми индустриями образование нуждается в специалистах нового поколения, готовых мыслить нестандартно, способных предугадывать будущие запросы рынка.

7. Как бы вы прокомментировали реакцию известных вузов на результаты мониторинга Минобрнауки относительно эффективности-неэффективности?

Хорошо, что такая работа ведется. По сути, впервые министерство оценило деятельность вузов по набору открытых критериев. Конечно, можно обсуждать, насколько удачен выбор показателей, однако такие вопросы возникают в любых рейтингах, в любых мониторингах. Тем не менее результаты подобного мониторинга дают возможность руководству университетов посмотреть на свой вуз со стороны и найти на ближайшие несколько лет те сферы, которые требуют усиления или дополнительного внимания — а значит, и дополнительных инвестиций. К этому можно относиться как к некоей обратной связи со стороны министерства, чтобы руководство вузов могло скорректировать свои действия. Мониторинг — это один из возможных инструментов оценки текущего состояния университетского образования в стране, на основе которого можно принимать решения о санации/поддержке вузов.

*Е. Н. Пенская,
доктор филологических наук,
заместитель главного редактора
журнала «Вопросы образования»*